

18+ **Александр Гельманов**

Инкарнация палача Сказ о перевоплощенных возлюбленных

Записки реинкарнирующего

Александр Гельманов

**Инкарнация палача.
Сказ о перевоплощенных
возлюбленных. Записки
реинкарнирующего**

«Издательские решения»

Гельманов А.

Инкарнация палача. Сказ о перевоплощенных возлюбленных.
Записки реинкарнирующего / А. Гельманов — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-682253-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Общество все больше осознает сомнительность учений
одноразовой земной жизни душ и тел, аксиом вечного загробного прозябания
и небытия. Мы все чаще задумываемся об эволюции души в горниле
рождения и смертей, завершаемой обретением нравственного совершенства и
вознесенной святости, и другого пути нет. Эта увлекательная книга отвечает,
почему, несмотря на благие декларации поводырей, в обществе неистребимы
паразитизм верхов и нищета большинства.

ISBN 978-5-00-682253-5

© Гельманов А.
© Издательские решения

Содержание

Всемирная реинкарнация, поп и монашки	6
Сумасшедший и психиатры	10
Академик и поп	13
Три Колеса Сансары и доцент Пискунов	15
Зигзаги Кармы. Отсидел, вышел, украл, выпил, в тюрьму	17
Дуры с Патриков	19
Реинкарнирующий поп	21
Ночь, олигархи и судьба народа	23
Исповедь миллиардера	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Инкарнация палача. Сказ о перевоплощенных возлюбленных Записки реинкарнирующего

Александр Гельманов

© Александр Гельманов, 2025

ISBN 978-5-0068-2253-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Все персонажи и события в этом рассказе – вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, местами или ситуациями случайны. Автор не преследует цели кого-либо оскорбить, задеть или дискредитировать. Мнения героев не отражают точку зрения автора. Если вы чувствительны к определенным темам, рекомендуем оценить содержание заранее.

Лоре

Всемирная реинкарнация, поп и монашки

Кабинет (он же подсобка за алтарем, пахнувшая воском, мышами и чем-то крепким) был забит под завязку. Монашки, как испуганные воробьи в черном, теснились на лавках, их лица застыли в универсально-противозачаточном выражении – смесь святости, туповатого смирения и готовности немедленно отвергнуть любую крамольную мысль. В центре, восседаая на шатком табурете, пылал эпицентром ароматов – батюшка отец Ермолай. Запах дешевого самогона благородно переплетался с амбре чеснока такой концентрации, что ангелы чихали на седьмом небе. Его ряса, украшенная загадочными пятнами (то ли просфоры, то ли самогон пролился), излучала благовоние трудового пота.

– Соберите ум в кулак, матушки! – рявкнул Ермолай, стуча костяшками пальцев по единственной книге на столе – «Кулинарные изыски сельского прихода». – Сегодня разберем главное: как объяснить Марье-дуре, Петру-скептику и прочим прихожанам, отягощенным... эээ... современными веяниями, что душа у нас одна, как пупок, а не шныряет туда-сюда, как блоха по собаке! И что реинкарнируют там всякие язычники да грешники по своим восточным каруселям, а мы-то, православные – чисты, уникальны и неповторимы, как... как последняя стопка в погребке!

Он ткнул жирным пальцем в воздух.

– Вот приходит, скажем, Василий. И спрашивает: «Батюшка, а как же реинкарнация? Я в прошлой жизни, допустим, был великим воином! А нынче – слесарь Вася. Где мои навыки? Где меч?»

Тут с передней лавки, откуда и ждали, раздался звонкий голосок:

– А если я была лягушкой, батюшка? Я ж квакать умела! А нынче – ни разу! Обидно! – Марфа Просветленная, обладательница взгляда, способного заморозить кипяток, и мозга, похожего на решето, уставилась на попа с обидой ребенка, у которого отняли конфету.

Ермолай вздрогнул, будто его самогоном обрызгали.

– Марфа! Опять ты! Лягушкой... вздох, пахнувший горилкой... Матушка Марфа, душенька, лягушка – тварь бессловесная! Душа ее – проста, как мычание! Твоя же душа – сложная! Как... как борщ с пампушками! При перезагрузке... то есть, при рождении... все ненужное стирается! Чтоб не мозолило!

– А зачем тогда прошлые жизни, коли стирается? – не унималась Марфа, ковыряя грязным пальцем в скатерти. – Бесполезно как-то!

– Не бесполезно, а... эээ... базово! – отец Ермолай отчаянно искал аналогию. – Вот картошка! В прошлой жизни она была в супе! В этой – пюре! Суть та же – картошка! Но форма другая! Навыки супа к пюре не применишь! Поняла?

– Значит, я как картошка? – Марфа надулась.

– В духовном смысле, матушка! В духовном! – поп побагровел.

С задних рядов поднялась рука худой монахини с лицом, будто выточенным из сухаря.

– Батюшка, а как же врожденные таланты? Вот мальчик Ваня – с пеленок на скрипке играет! Это ж явно память прошлой жизни! Он же в консерватории не учился еще!

Ермолай закатил глаза.

– Сестра Серафима! Это не память, а... Божий дар! Или гены! Как у тещи моей – злость врожденная! – Он махнул рукой. – А реинкарнация – это, понимаешь, восточная штучка. Нам не катит! У нас душа – разовая посуда! Помыл – и на полку до Страшного Суда! Никаких перерождений!

– А карма, батюшка? – пискнула еще одна монашка. – Люди говорят, что карма накапливается...

– Карма?! – Отец Ермолай фыркнул так, что чуть не свалился с табурета. – Карма – это от лукавого! У нас есть Господь и Суд Его! А карма – это как... как долги по ЖКХ! Не платишь – свет отключат! Только в духовном смысле! Но это не прошлые жизни! Это... последствия грехов! Текущих! Вот! – Он торжествующе стукнул кулаком по «Кулинарным изыскам», поднимая облако пыли.

– Батюшка, а если душа сильно нагрешила в прошлой жизни? – не унималась Марфа, явно уловив слабинку. – Ей дали шанс исправиться? Переродилась же!

Ермолай почувствовал, как почва уходит из-под ног, а самогон начинает играть в его голове злые шуточки.

– Нет! Нет перерождений! Грехи искупаются здесь! Молитвой, постом, трудом праведным! Или... или чистилищем! Да! Чистилище – это как предбанник перед раем! Там все ненужные... эээ... ненужный опыт выжигают каленым железом! Чтобы душа чистая предстала! – Он вытер лоб рукавом, оставив новый жирный след.

– Аааа... – Марфа протянула, и в ее глазах зажглись огоньки внезапного озарения. – Значит, чистилище – это как стиральная машина для души? С отбеливателем? Чтобы отмыть все пятна от прошлых... картошек?

Тут, как назло, подняла руку сестра Евлампия, известная своей любовью к кошкам:

– Батюшка, благослови! А коты? Вот Мурзик наш церковный – он явно не в первый раз тут! Мышей ловит, как заправский спецназовец, и на меня смотрит так, будто я ему должна за прошлую жизнь! Это же реинкарнация? Душа воина, например?

Отец Ермолай закашлялся, чуть не подавившись слюной (или парами фляжки).

– Евлампия! Коты?! Да ты что! Кот – тварь бессловесная и безгрешная! У него душа – простая, как... как клубок ниток! Она не перерождается, она... она ангельским мурлыканьем Господу угождает! А на тебя он так смотрит, потому что ты его вчера сметаной недокормила, еретичка!

Не успел он перевести дух, как с самой дальней лавки, где обычно дремали, раздался сонный голос сестры Алевтины:

– Батюшка, а вот я читала... Если душа, значит, одна жизнь, одна. А как же дети-вундеркинды? Вот в газете писали – мальчик трех лет всю «Войну и мир» наизусть знает! Откуда, коли прошлых жизней нет? Он что, в утробе матери конспекты делал?

Поп схватился за голову, будто «Война и мир» обрушилась ему на темя.

– Алевтина! Опять ты газеты читаешь вместо Псалтыри! Это... это не память прошлых жизней! Это... бесовское наваждение! Или... или ангел-хранитель ему подсказывает! Шепчет на ушко! А ты с газетами – вот тебе и нашептали ересь!

Сестра Феврония, румяная и вечно восторженная, вдруг вскочила, впад в нечто среднее между экстазом и гипнотическим трансом:

– Ой, батюшка, благослови! А вот моя знакомая, Любаша, к гипнотизеру ходила! Он ее в прошлую жизнь отправил! Она там, говорит, была фрейлиной у Екатерины! Платья шикарные носила, с Потемкиным чай пила! А нынче – продавщицей в «Пятерочке»! Вот оно как! То-то я смотрю, у нее осанка царская!

Ермолай аж подпрыгнул на табурете.

– Феврония! Очухайся! Гипноз?! Это ж чистой воды бесовщина! Сатана тебе любые картинки в голову вставит! И фрейлину, и Потемкина, и хоть инопланетянина! А осанка у твоей Любаши не царская, а от сколиоза! От мешков с сахаром таскания! Запомни: гипноз – врата ада! А рассказы о прошлых жизнях – бред сивой кобылы под сновторным!

Марфа Просветленная не выдержала, перебивая:

– А если душа переродилась в микроба, батюшка? Вот в прошлой жизни грешил, а теперь – бактерия холера! Ему чистилище-стиралка поможет? Его там прокипятят?

Отец Ермолай побледнел (под слоем естественного румянца), потом побагровел.

И тут в бой вступила сестра Пульхерия, тихая, но с философской жилкой:

– Батюшка, благослови... А вот ежели душа одна и жизнь одна... Зачем Господу столько грешников на вечные муки плодить? Неужто, Ему так любо наказания раздавать? Развиваться-то им некуда, коли в Ад навечно! А по восточной штучке – так душа и в микроба, и в слона переродится, уроки учит, из низших в высшие идет... Пока не вознесется! Логичнее же!

Ермолай замер, будто громом пораженным. Вечность грешников? Развитие? Он мысленно перебрал все запасы самогона в подсобке, но ответа не находил.

– Пульхерия! – заорал он, тряся жирным пальцем. – Не смей о Господних Путих разумом судить! Ему виднее, кому гореть, а кому сиять! Может, Ему... эээ... коллекция нужна! Как мне бутылки пустые! Для полноты картины! Или... или чтоб праведникам на фоне грешников приятнее было! Как цветы на грядке сорняками подчеркиваются! Запомни: Господь не обязан быть логичным! Он – Творец! Ему виднее!

Марфа, вдохновленная логикой Пульхерии, оживилась:

– Ага! А вот почему, батюшка, коли жизнь одна, то одни рождаются богатыми и красивыми, а другие – бедными уродами? Одни сильные и добрые, а я вот... (тут Марфа скромно потупилась) ...дура дурой? Где справедливость? А в переселении душ – так понятно: в прошлой жизни наворовал – в этой бедным уродился! Не помолился – дураком стал! Исправляйся!

– Марфааа! – взвыл Ермолай, чувствуя, что теряет последние опоры. – Какая справедливость?! Это ж... жребий! Как в лотерее! Или... испытание! Бедность – чтоб смирению учиться! Уродство – чтоб не гордиться! А дурость... – он с яростью посмотрел на Марфу, – ...чтоб лишних вопросов не задавать! И вообще, кто сказал, что богатые счастливы? У них... язвы желудка от излишеств! А бедные – чисты душой! А жизнь одна – так это ж азартнее! Ставки выше! После нас – Страшный Суд, а не потоп! И точка!

Последний удар нанесла все та же Пульхерия, шепотом, но так, что все услышали:

– Батюшка, а если жизнь одна, и душа не перерождается... Зачем тогда столько страданий? Не проще ли по-восточному: наделал глупостей – переродился, осознал, исправился? А то так... раз попал под поезд дурачком – и вечно гореть? Жалко дурачка-то...

Отец Ермолай стоял, как монумент абсурду. Вечность дурачков в аду? Восточная исправительная система? Его мозг, сдобренный самогоном, отказал.

– Да что ж вы все, как заведенные, про эту реинкарнацию?! – взревел он, тряся фляжкой. – Миллиарды верят? Ага, миллиарды мух жрут... кхм... нечистоты! И что? Значит, это истина? Верить они могут хоть в летающего макаронного монстра! Правда-то одна – у нас! В Священном Писании! А все остальное – тьма языческая, мрак невежества и козни лукавого! Понятно?!

Марфа, вдохновленная словом мрак, вдруг воскликнула с неожиданной резвостью:

– Батюшка, а вот Пушкин! Он же попов знал! Он одного попа назвал... как его... толокненным лбом! Это про таких, как мы, тупых, что про реинкарнацию спрашивают?

Тишина в подсобке стала ледяной. Все противозачаточные выражения лиц монашек мгновенно сменились на маски ужаса. Отец Ермолай побледнел, как мел, потом побагровел так, что казалось, вот-вот лопнет.

– МАРФАААА! – завопил он, заглушая звон собственной фляжки, упавшей на пол. – ПУШКИН?! Да ты что?! Пушкин – это... это... вольнодумец! Бунтовщик! Безбожник! А «толокненный лоб» – это не про нас! Это... это про католиков! Или про дяконов! И вообще, не смей светских стихоплетов цитировать! Сто земных поклонов! Нет, двести! Нет, до потери пульса! И отлучение от киселя на неделю! СЕМИНАР ЗАКАНЧИВАЕТСЯ!!! ВОН ВСЕ!!!

Семинар был окончательно, бесповоротно и с треском завершен. Отец Ермолай, пошатываясь, как корабль в шторм греховных сомнений и пушкинских оскорблений, ринулся к выходу, спотыкаясь и оставляя за собой шлейф чеснока, самогона, неразрешимых противо-

речий вселенского масштаба и ненависти к Александру Сергеевичу. Марфа Просветленная сияла как, новогодняя елка, гордая тем, что вспомнила Пушкина (пусть и невпопад). Пульхерия задумчиво смотрела в окно, размышляя о вечности дурачков и эффективности восточных методик. Остальные монашки расходились в глубоком когнитивном тумане, гадая, как теперь объяснить Васе-слесарю, почему он не помнит, где закопал меч, если прошлых жизней нет, а карма – это долги за свет, чистилище – стиралка, коты – ангелы-мурлыки, вундеркинды – бесноватые, гипноз – врата ада, богатство – путь к язве, бедность – к чистоте душевной, страдания – для закалки, вечные муки – божественная коллекция, Пушкин – опасный вольнодумец, а миллиарды верующих в реинкарнацию – жрущие нечистоты мухи. Абсурд торжествовал полной, тотальной и безоговорочной победой над разумом, логикой и чувством собственного достоинства отца Ермолая. И пах чесноком. И самым дешевым самогоном. И безнадегой.

Сумасшедший и психиатры

Протокол №43/ПСИХ и Приложение: Записки пациента И. И. Бессмертнова
ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОНСИЛИУМА

Дата: 24 октября 2023 г.

Пациент: Бессмертнов Иван Игнатьевич, 45 лет. Доставлен участковым по жалобе соседей на «деструктивную проповедь, мешающую смотреть телевизор».

Диагноз при поступлении: F20.8xx (Шизофрения, непрерывный тип, Ополиморфная симптоматика). № F22.0 (Бредовое расстройство).

Состав консилиума:

Д-р Заумный В. А. (Ведущий специалист, зав. отд., лицо одутловатое, очки в пол-лица).

Д-р Степенная О. Л. (Психиатр-эксперт, говорит тихо, медленно, складывая пальцы домиком).

Д-р Прыткин М. С. (Молодой ординатор, ерзает, записывает все подряд).

Медсестра Глафира (Стоит у двери, зеваает, считает мух на потолке).

(Фрагмент стенограммы)

Д-р Заумный: (Тяжело дыша) Пациент Бессмертнов. Состояние... ммм... без динамики. Продолжает экспансивный бред метафизическо-космогонического содержания. Предлагаю заслушать последние... эээ... откровения. Для полноты картины. (Кивает медсестре). Глафира, дайте ему тетрадь. Пусть выскажется. Это же... ценный материал.

(Пациенту вручают потрепанную тетрадь. Он лихорадочно листает, находит нужную страницу. Глаза горят неестественным блеском).

Пациент Бессмертнов: (Читает отрывисто, но четко, словно доклад) Запись от 2000 апреля... Нет, от Вчера-Послезавтра! Слушайте, доктора-придворные! Историки от психушки! Весь Космос – он умный! Душа – не одноразовый стаканчик! Там – (машет рукой в потолок) – все реинкарнируют! Как... как перезаряжаемые батарейки! Знания копят, уроки учат! А у нас? А у нас – (снижает голос до шепота, полного презрения) – одноразовое стадо! Потребители тел! Инопланетяне – те смеются! У них душа – инструмент! А у нас? У нас – расходник. Использовал – в помойку! И новая примитивная болванка впикивается в новое тельце!

Д-р Степенная: (Спокойно, сложив домиком пальцы) Иван Игнатьевич. А ваше утверждение о... ммм... «затухании капитализма в 17-м» из-за... деградации этих самых «болванок»? И его... возрождение в 91-м? Это как соотносится?

Пациент: (Вскакивает) Как?! Да элементарно! 1917-й – это крик! Крик душ, уставших от бессмысленной гонки за тряпками и колбасой! Зачах капитализм – потому что души, отданные на растерзание Мамоне, деградировали до состояния амёб! Не могли больше крутить его жадную мельницу! Думали – коммунизм... ангелов построим! Ан нет! (Бьет кулаком по колену). Большинство-то душ – низкоразвитые! Одноразовые! Не потянули высоту! Сорвались! И в 91-м – обратно в болото! В «телесные инстинкты»! В потребительство! И опять души – как пластиковые пакеты: использовал – выбросил! Новая примитивная болванка – и по новой! Замкнутый круг деградации!

Д-р Прыткин: (Записывая) Плюрализм... в одной голове... две доктрины... одноразовые...

Пациент: (Указывая на Прыткина) Вот! Он почти понял! Голова – одна! А в ней? Капитализм! Коммунизм! Две системы для одноразовых душ! Шизофрения коллективная! А Церковь? (Хрипло смеется). Тоже цирк! Святого – голосованием выбирают! Будто в Думе! А про Вознесение? Про конец перевоплощений? Про то, что душа может стать вечным светом, а не вечным возвращением в одноразовое тело? Молчок! Невыгодно! Проще болванками торговать!

Д-р Заумный: (Тяжело вздыхая) Достаточно. Картина... ясна. Явная систематизация бреда. Метафизическая спутанность. Критика социальных институтов... в рамках патологии. (Обращаясь к коллегам). Коллеги, ваше мнение? Годаются ли его положения о реинкарнации... для чего-то кроме диагноза?

Д-р Степенная: (Качая головой) Положения... глубоко бредовые, Виталий Александрович. Не соответствуют... ни одной проверенной духовной практике. Крайне... деструктивны. Пациент отрицает саму суть... человеческой... конечности. И моральные устои.

Д-р Прыткин: (Робея) Но... а инопланетяне с их... батарейками? Это же...

Д-р Заумный: (Резко) Марк Сергеевич! Не увлекайтесь! Это классический бред величия с элементами космического заговора! Пациент мнит себя... хранителем запретного знания! (Обращается к пациенту). Иван Игнатьевич, ваш цирк, как вы выражаетесь, позволяет сделать лишь один вывод.

Пациент: (Пристально глядя на Заумного, вдруг успокаивается. Глаза тускнеют). Да? И какой же, о мудрейший из придворных шутов?

Д-р Заумный: (С важностью) Вы – глубоко больной человек. Требующий длительной изоляции и медикаментозной коррекции. Ваши идеи – опасный бред. Люди... они не берутся за ум не из-за какой-то мифической «одноразовости». Они просто... люди. Со своими слабостями. И наша система... она помогает им... адаптироваться.

(Пациент медленно закрывает тетрадь. На его лице – гримаса бесконечной усталости и странного понимания).

Пациент: (Тихо, почти шепотом, но так, что слышно всем) Ага. Адаптироваться... к одноразовой хрени. Понял. Цирк продолжается. И главные клоуны... в белых халатах. Им виднее... куда катится этот мир одноразовых душ. (Кладет тетрадь на стол). Записывайте, доктор Прыткин. Последняя запись. Люди не берутся за ум... отягощенные...

(Он не договорил. Просто опустил голову и устался в пол. В кабинете повисло тяжелое, стерильное молчание, нарушаемое только скрипом пера Прыткина и мерным дыханием Заумного. Степенная поправила домик из пальцев. Глафира пересчитала мух еще раз. Консилиум постановил: диагноз подтвержден. Лечение усилить. Прогноз сомнительный. Мир снаружи больницы гудел своими одноразовыми делами. И где-то там, в глубине космоса, возможно, смеялись инопланетяне, экономно расходуя вечный заряд своих перезаряжаемых душ).

ПРИЛОЖЕНИЕ: Лист из тетради пациента Бессмертного И. И. (Обнаружен под матрасом)

(Дата: Когда-то после Никогда)

...и вот они опять, мои степенные судьи в белых балахонах. Слушают с таким видом, будто ловят мудрость, а на самом деле – только ждут повода поставить жирную печать: «БЕЗУМЕЦ». Цирк. Настоящий цирк. Консилиум душевнобольных психиатров и придворных историков, сочиняющих сказки про «прогресс» и «развитие». Чем дальше заседает их консилиум, тем душевнобольней выглядят они сами. Мне провокационно дают высказаться – ага, чтобы картина «безумия» была полной! Чтоб все их ученые положения о «норме» не пошатнулись.

Как годятся мои слова о реинкарнации? Да никак! Их мир тесен, как палата. Они верят только в то, что можно пощупать, взвесить или продать. Душа? Для них это миф. Или диагноз.

А ведь Космос полон вечного света! Там души – не одноразовые тряпки! Они учатся, растут, переходя из жизни в жизнь, как ученик из класса в класс! Инопланетяне это знание давно освоили – используют сокровищницу прошлых жизней. А мы? Мы застряли на Земле-помойке для душ-неудачниц. Большинство – низкоразвитые болванки. Коммунизм? Мечтали вылепить из грязи ангела. Не вышло – материал негодный. Капитализм? Он и зачах в 17-м, потому что души-то – деградировали до скотского состояния! Не могли больше гнаться за золотым тельцом. А в 91-м – опять скатились в эту трясику. «Телесные инстинкты»! Потребительство! И души снова стали тускнеть, как лампочки на свалке. Одноразовые.

А в головах? Плюрализм! Ха! Две одноразовых доктрины в одном черепе – капитализм да коммунизм. Шизофрения общественная. И Церковь... о, этот цирк! Святого – голосованием! Будто депутата! А про конец пути? Про то, что можно вырваться из этого колеса рождений-смертей для одноразовых душ? Молчок. Не в их правилах.

Вот и сижу я тут. Безумец. А они, мои судьи, такие степенные, такие понятливые... Они уверены, что лечат. А на самом деле – сторожат свалку. Цирк. И самый страшный клоун в нем – тот, кто не видит, что люди не берутся за ум... отягощенные всей этой одноразовой хренью. Весь мир – большая палата №6. И доктора в ней – самые безнадежные пациенты. Им уже не помочь. Их души... давно использованы и выброшены. Осталось только... досидеть смену. И поставить печать.

(На этом листе пятно, похожее на высохшую чайную каплю или слезу. Подпись отсутствует).

Академик и поп

Жара в уездном саду стояла такая, что даже воробьи притихли. На скамейке под липой, чудом сохранившей тень, сидели двое необычных собеседников: академик Фирсов, человек с лицом, напоминавшим высохший гербарий, и отец Паисий, поп, чья фигура напоминала хорошо выпеченный каравай. Спорили они не о погоде, а о высоком – о самом эффективном способе... отвлечь народ от мыслей о настоящем смысле жизни.

Академик Фирсов (постукивая костяшками пальцев по колену, где лежал томик «Материализм и эмпириокритицизм»):

– Отец Паисий, ваша концепция – анахронизм! «Одноразовая телесная жизнь души, ведущая к вечному загробному прозябанию»? Слишком сложно, слишком... метафизично для масс. Современный человек требует ясности! Наука дает простой, элегантный, неопровержимый ответ: закон одноразовой жизни бездушного тела и загробного небытия. Вот где истинная эффективность!

Отец Паисий (благостно улыбаясь, поправляя наперсный крест):

– Ах, уважаемый Фирсов, ваша «ясность» – это пустота! Страх перед ничто? Он слишком абстрактен, слишком... холоден. Человек – существо эмоциональное! Ему нужна перспектива, пусть и отсроченная. Наша формула: одноразовая телесная жизнь души, за которой следует вечное загробное прозябание (с возможностью райских куш для избранных, конечно) – вот она, истинная механика утешения и управления! Страх ада, надежда на рай – мощнейшие рычаги! А ваше «небытие»? Оно лишь порождает бессмысленный бунт или, того хуже, гедонистическую апатию. Как управлять апатиком или бунтарем?

Фирсов (едва заметно усмехнувшись):

– Управлять? Дорогой батюшка, мой закон управляет естественно! Если жизнь одна, тело – биохимическая машина, а после – пустота, то вся энергия человека вынужденно направляется в одно русло: потребление и труд здесь и сейчас. Нет смысла копить для «вечности» – надо тратить! Нет смысла терпеть несправедливость ради «загробного воздаяния» – надо добиваться «своего» сейчас, в рамках дозволенного системой, разумеется. Это двигатель прогресса! Ваш же «рай» – это опиум. Зачем бороться с бедностью на земле, если можно потерпеть ради вечного блаженства? Исторический пример? Весь XIX век! Ваша доктрина умирала голодных крестьян обещаниями «Царствия Небесного», пока мой закон, закон материалистический, не развязал руки промышленникам и ученым, создав этот... (он жестом обозначил пыльный уездный сад и дальше – весь мир) ...комфорт, пусть и для избранных. Прогресс через отрицание души!

Отец Паисий (снисходительно качая головой):

– Комфорт? Для избранных? Вот именно! Ваш закон порождает лишь циничных эксплуататоров и озлобленных эксплуатируемых. А где смирение? Где порядок? Мой закон дает и то, и другое! Форма проявления обмана проста: страдаешь сейчас? Терпи, ибо это испытание для твоей бессмертной души, залог лучшей доли там. Богат? Поделись крохами – это твой «билет» в рай. Эксплуатация? Она лишь проверяет смирение бедных и милосердие богатых! Житейский пример? Возьмите нашего купца Сидорова. Грабит арендаторов? Да! Но каждое воскресенье – в церкви, свечку рублевую ставит, на богадельню жертвует. Он уверен, что откупятся и грехи, и место в раю. Ваш же Сидоров-материалист просто скупит весь уезд и скажет: «После меня – хоть потоп, все равно небытие». Кто полезнее для... стабильности?

Фирсов (загораясь):

– Стабильность ваша – застой! Мой закон эффективнее интеллектуально. Наука «доказывает» отсутствие души, небытие. Это модно, прогрессивно! Можно спрятать эксплуатацию за терминами «социальный дарвинизм», «естественный отбор в экономике». Бедняк не спра-

вился? Сам виноват, его гены, его лень – природный отбор в действии, закон биологии! Вечного наказания нет, только естественная «утилизация» неэффективного материала. Это же освобождающая мысль для сильных! А ваши муки совести, страх греха? Это тормоз!

Отец Паисий (тепло, почти по-отечески):

– Ох, Фирсов, сила ваша – жестока. Но человек слаб. Ему нужна надежда, пусть иллюзорная. Ваше «небытие» – тупик. Оно не дает ответа на боль, на несправедливость, на смерть ребенка. Только безысходность или безумный разгул. Мой обман... простите, учение – дает утешение. Форма проявления – ритуал: молитва, исповедь, причастие. Это психотерапия для масс! Человек выговорился священнику (читай – социальному психологу), получил «отпущение» (читай – снятие стресса) и пошел дальше пахать, не требуя справедливости здесь. Он верит, что там все компенсируется. Это гениальная система сдерживания социального взрыва! История? Средние века! Народ нищ, болезни, войны... но Церковь удерживала массы в узде именно обещанием загробного воздаяния. Ваш «прогресс» взрывает такие миры. Наш – сохраняет.

Они замолчали, довольные своими аргументами. Жара немного спала. Из-за куста сирени вышел старичок-садовник, Иван, с тяпкой в руках. Он слышал весь спор. Вытер пот со лба, посмотрел на академика, потом на попа, и вдруг тихо, но отчетливо сказал:

– Чудно вы, господа хорошие, спорите. Одноразовость там, прозябание тут... А по мне, так закон-то многократного возвращения куда как мудрее. Пока не станешь Светом, будешь ходить кругами по этой земле, как я по грядкам. Не отработаешь жадность – вернешься нищим. Не преодолеешь злобу – вернешься в войну. Не научишься любить – будешь вечно искать да не находить. И бедность, и эксплуатация – они от незнания этого закона. Думают: «Один раз пройду – хапну!» или «Потерплю – потом вечно отдыхать буду». Ан нет. Не вознесся – готовься к новому уроку. Пока не сделаешь жизнь для всех Раем здесь, не вырвешься из круга. Истина-то в том, что каждый поступок – семя для будущего урожая, твоего ли, чужого ли – но ты его потом пожинаешь будешь. Не в небытии, не в раю отсроченном – а вот тут, на этих же грядках, только в другой раз. А вы все – разовостью да потусторонностью – людей от этой работы, от этого смысла и отводите. Одни – в бездумную гонку, другие – в слепое терпение. И плодов настоящих нет, одна сорная трава да гниль... Извините, побегу капусту полоть. Сегодняшние сорняки – завтрашняя тень для рассады, если не убрать. Вот вам и закон.

Иван поклонился и скрылся за кустами.

Академик и поп переглянулись. На миг в их глазах мелькнуло что-то похожее на смущение, быстро растворенное в привычной уверенности.

Фирсов (пренебрежительно):

– Мистика! Деревенское суеверие. Никаких научных подтверждений!

Отец Паисий (с натянутой благостью):

– Заблуждение души, не просвещенной Святым Духом! Опасная ересь!

Они снова углубились в спор о сравнительной эффективности своих систем забвения, оставляя без внимания простую, как мотыга, и бесконечно глубокую, как небо, мысль садовника. Истинный закон – многократного возвращения, работы над собой и миром до обретения святости и преображения Земли – оставался для них лишь странным бормотанием под липой. А Иван тем временем аккуратно выпалывал сорняк, зная, что от этого труда зависит не только нынешний урожай, но и качество почвы для будущих посевов – его личных и общих.

Три Колеса Сансары и доцент Пискунов

Аудитория 314 пахла мелом, пылью старых фолиантов и легкой нотой пота от нервничающих студентов. Семен, студент в толстых очках, которые делали его глаза огромными и чуть растерянными, сжимал экзаменационный билет, как гранату.

Билет №17:

1. Политический строй России на рубеже XIX – XX вв.
2. Великая Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г.
3. Приватизация в России 1992 г.

За столом восседал доцент Пискунов – монумент советской исторической школы. Его бордовый галстук был затянут так туго, будто сдерживал поток невысказанных «а вот тогда это так было нужно!». Он кивнул Семену, блеснув стеклами пенсне.

Семен откашлялся. Голос дрожал лишь слегка.

– Вопрос первый. Политический строй... рубежа веков. Основа – клерикализм. Церковь... – Семен посмотрел поверх очков на Пискунова, – проповедовала одноразовое учение. Смирение, угнетение... как данность. Раб и господин – непоколебимы в этой одной жизни. Мол, терпи – залужишь Рай. Но... обнищание, пот... осточертели массам. Не учли множественность воплощений, кармические долги... – Семен замолчал, видя, как брови Пискунова поползли вверх, а губы сложились в привычную гримасу скепсиса.

– Гм... Оригинально, – процедил доцент. – Но тогда, молодой человек, это так было нужно! Стабильность! А народ... народ-то великий выстоял, несмотря на... сложности. Продолжайте.

Семен глубоко вдохнул, словно ныряя в ледяную воду.

– Вопрос второй. Революция 1917. Попов... – он чуть замялся, – уничтожили. Или превратили в стукачей. Карма... – голос Семена окреп, – карма за уничтожение ведического духа славянства, за сжигания оглашенных в срубах. Свергли паразитов-самодержцев, да. Но... – Семен устремил взгляд куда-то в пространство за спиной Пискунова, – запретили Бога. Объявили первичной материю, мозги... Создали культ одноразового, бездушного тела. Загробное небытие. Репрессии, принудилровка, стукачество... Духовного развития – ноль. Обогащение верхушки – да. А души... большинство душ низкоразвиты. Оттого коммунизм – строй априори недостижимый для такого уровня сознания. Экономика саморазвалилась. Пришла бедность. Кармический цикл незамкнут.

Пискунов побледнел. Его пальцы барабанили по столу.

– Вы... вы сводите великие социальные потрясения к какой-то... мистике?! Народ выстоял! Цель была высокая! Тогда это... Он не закончил, лишь тяжело дышал. Третий вопрос. Быстро.

Семен уже не смотрел на доцента. Он говорил в пространство, четко и бесстрастно, как оракул, читающий свиток.

– Приватизация. 1992. Разрешили верить. В обе одноразовые парадигмы – и рай, и небытие. Но суть та же: одна жизнь. Результат – хаос. Индивидуализм тотальный. «Человек человеку волк». Погоня за деньгами, успехом, потреблением. Создали адские условия для воспроизводства тяжелой кармы на поколения вперед. Искупление в этой жизни – за прошлые ошибки. И новые долги – для будущих воплощений. Бандитизм, рэкет, коррупция, казнокрадство, играмания, паразитизм... Разгул низших инстинктов тела. Душа забыта. Народ ввергнут в нищету. Блага и недра присвоены кучкой.

Семен замолчал. В аудитории стояла гробовая тишина. Пискунов смотрел на него, как на пришельца. Его лицо выражало смесь недоверия, гнева и какого-то растерянного недоумения. Он перевел взгляд на зачетку, потом снова на Семена.

– Ваш вывод, если можно? – спросил он натужно.

– Вывод, Платон Сергеевич? – Семен поправил очки. – Исторический хаос повторяется. Потому что не учитывается главное: множественность перевоплощений, кармическая ответственность, растянутая на многие жизни. Цель воплощений – очищение души, выход из цикла рождений и смертей. Пока это не осознано на уровне общества, перспектив нет. Только колесо Сансары. И страдание.

Пискунов долго молчал. Потом взял ручку. Дрожащей рукой вывел в зачетке: «Удовлетворительно». Поставил жирную «3».

– Знания... есть, – произнес он глухо, избегая взгляда студента. – Но подход... ненаучный. Крайне ненаучный. Слишком много... субъективного. Тогда... – он махнул рукой, – тогда все было иначе. Надо понимать контекст. Народ выстоял.

Семен взял зачетку. На его лице не было ни радости, ни разочарования. Только легкая, едва уловимая улыбка тронула уголки губ. Он кивнул.

– Спасибо, Платон Сергеевич. Выстоял. Конечно.

Он вышел из аудитории, оставляя за собой доцента, который нервно теребил бордовый галстук и в который раз перечитывал свои конспекты, где аккуратным почерком было выведено: «Народ великий выстоял». А в глазах Семена, за толстыми стеклами, отражался не потолок коридора, а бесконечная череда жизней и неотвратимость Кармы. Он шел не за оценкой, а сквозь время, и его «удовлетворительно» звучало в его ушах, как вечность и неотвратимость Кармы.

Зигзаги Кармы. Отсидел, вышел, украл, выпил, в тюрьму

В колонии строгого режима «Мордовские зори» вечерняя поверка только закончилась. В бараке запах махры, дешевого чая и сырости. На верхней шконке у окна сидит худой мужик в очках с битыми стеклами – «Профессор». Его так прозвали не за ученость, а за манеру говорить сложно, с пафосом, словно лекцию читает.

Сел он за ДТП – пьяный, насмерть сбил девушку. Блатные сначала хотели опустить: мол, фраер, жизнь загубил. Но потом прислушались к его речам – и зауважали. Не каждый день в зоне встретишь человека, который может так заговорить мозги, что даже отпетые урки задумываются.

– Ну, слушайте, искренно заблудшие, – начинает Профессор, поправляя очки. – Реинкарнация – это не просто душа из тела в тело переходит. Это экзамен.

В бараке притихли. Даже Гундос, здоровенный бык с татуировкой палача на груди, перестал жевать сахар.

– Чтобы противостоять злу, душу посылают в блатную среду, – продолжает Профессор. – Причем ту, о которой тебе заранее известно перед стиранием памяти. Ты добровольно соглашаешься на этот ад, чтобы остаться человеком. Потому что если не останешься – в следующей жизни станешь крокодилом. Или опущенным.

– Че за бред? – хрипит Косой, мелкий воришка. – Это как, типа, я сам выбрал сидеть?

– Ага. Ты думал, просто так судьба кидает то в тюрьму, то на волю? Нет, бараны татуированные, это ты сам себе выбрал. Чтобы испытаться.

– И как выкарабкаться? – спрашивает Малой, пацан лет восемнадцати, первый срок.

– Карму не обманешь. Можно только воздержаться от нее. Например, выбросить ключ от квартиры, где деньги лежат. Не украл – значит, не за что тебя наказать.

– А нахрена тогда попы? – внезапно вставляет Гундос, вытирая губы. – Они ж про бога трывают.

– Посредники не нужны, – усмехается Профессор. – Только Бог и ты. Ваша цель – не возвращаться сюда.

Тишина. Кто-то закуривает, кто-то ковыряет в зубах.

– А если убил? – вдруг спрашивает Штырь, мрачный тип с пустым взглядом.

– Убийство – это хуже всего. Душа цепляется за жертву, как пиявка. Будет тянуть тебя вниз, пока не отработает.

– А если изнасиловал?

– Тогда в следующей жизни сам станешь жертвой.

Барак взрывается матом, кто-то стучит кружкой по железной тумбочке. Но потом снова тишина.

– Значит, если я сейчас не буду шестерить, не замочу никого... то в следующей жизни не вернусь сюда? – шепчет Малой.

– Верно.

На следующее утро Профессору подкидывают пайку сахара – знак уважения. Гундос бурчит:

– Тронет кто – урою.

А когда их выводят на работу, Малой вдруг выбрасывает заточку в снег.

– Че, пацан, веришь в эту херню? – смеется Косой.

– Не знаю, – пожимает плечами пацан. – Но вдруг правда?

И даже Штырь, глядя в серое небо, задумчиво бормочет:

– Может, и есть шанс...

А на вышке вертухай курит и не понимает, почему сегодня зэки работают непривычно тихо.

Дуры с Патриков

Три девушки – Алина, Карина и Милана – шли по ночным улицам с Патриарших прудов, еле переставляя ноги в своих лабутенах. В клубе было душно, шампанское – кислое, а потенциальные олигархи, судя по всему, сегодня предпочли остаться дома. Но девичий вечер не прошел зря – они успели обсудить самое важное: реинкарнацию, карму и то, как правильно тратить мужские деньги.

– Мой экстрасенс сказал, что в прошлой жизни я была Рамзесом Вторым, – с важным видом заявила Алина, поправляя накладные ресницы. – А я ему ответила: «Ну, тогда я – Клеопатра». Он аж закатил глаза и говорит: «Дорогая, у тебя карма золотая, ты всегда была среди элиты».

– О, у меня тоже карма есть! – подхватила Карина. – Только вот интересно... Если депутаты легализуют проституцию, это освободит нас от кармической ответственности? А то вдруг за грехи прошлых жизней сейчас расплачиваемся?

– Да ладно, какая ответственность? – фыркнула Милана. – Бог помогает богатым, поэтому они и перерождаются в богатых. А если ты нищий – значит, в прошлой жизни был говном.

Девушки согласно закивали. Логика – железная.

Разговор плавно перетек в обсуждение мудростей, которые они почерпнули на женских курсах «Как выйти за олигарха за 30 дней».

– Нас учили: если у мужика меньше полмиллиона на счету – даже не ложись с ним в постель, – поучительно заявила Алина. – Это не мужчина, а социальный инвалид.

– Абсолютно верно! – поддержала Карина. – На первом свидании он обязан заказать такси бизнес-класса, открыть дверь, отвезти в ресторан, купить цветы не дешевле 10 тысяч и сводить на шопинг. А если предлагает «кофе за углом» – это красный флаг! Мы же потратили на него дорогую косметику и время!

– Мужчина к 25 годам должен зарабатывать миллион, иметь квартиру, дом, престижное авто, часы за пятьсот тысяч и хотя бы один отдых на Мальдивах в год, – добавила Милана. – Иначе, зачем он вообще нужен?

– А после свадьбы – домработница, няня, шесть раз в год Мальдивы, – продолжила Алина. – Женщина не должна работать! Она должна украшать его жизнь и вдохновлять своей энергией.

– Кстати, кто любит позу раком – есть процедура мелирования ануса, – внезапно сообщила Карина. – Чтобы все было эстетично.

– Наше призвание, девочки, – рестораны, клубы, салоны красоты каждый день, – подвела итог Милана. – А кто не ходит в ресторан ежедневно – тот просто не состоялся в жизни. Провинция – удел неудачников.

Проходя мимо скромного кафе, где сидели какие-то «непонятные люди в дешевой одежде», девушки скривились.

– Вот почему провинция нищая? – возмутилась Алина. – Потому что они не хотят работать, как в Москве!

– Абсолютно! – кивнула Карина. – Если бы они так же пахали, как мы, у них были бы деньги на ботокс и люксовые сумки.

– Ну и зачем жить, если ты не можешь позволить себе новую коллекцию Gucci? – философски заключила Милана.

Так они брели, обсуждая свои великие идеи, пока не дошли до дома Алины – скромной однушки в спальном районе, которую она снимала вскладчину с подругой.

– Ой, девочки, завтра же на маникюр! – вспомнила Карина.

– И на лазерную эпиляцию! – добавила Милана.

– А потом в бутик – надо срочно обновить гардероб! – воскликнула Алина.

Они попрощались, каждая отправилась в свою арендованную каморку, где их ждали кредитные договора, счет за аренду и мечты о том, что в следующей жизни они точно родятся в семье олигархов.

А может, карма уже смеется над ними?

Многие жизни даны нам для того, чтобы, наконец, понять: дурость – вечна, а деньги – иллюзия. И если в этой жизни ты считаешь, что твое предназначение – украшать мир, то в следующей можешь проснуться тараканом в доме у такой же дуры.

Карма – штука жесткая. Но кто ее считает, когда есть мелирование ануса и Мальдивы?

Реинкарнирующий поп

Жалоба:

Прихожанка Авдотья Семеновна Туга (известная в селе Кукуево тем, что слышит только то, что хочет) донесла в епархию, что батюшка на проповеди «ересь несусветную городит»: мол, души то ли вселяются, то ли переселяются, а то и вовсе – реинкарнируют, причем не только люди, но и собаки, куры, а может, и инопланетяне тоже.

Заседание епархиального суда:

Собрание духовенства проходило в лучших традициях советского товарищеского суда. Священники, учуяв ересь, сидели с каменными лицами, но в глазах читался азарт – давно такого веселья не было.

Допрос о. Пантелеймона:

- Батюшка, вы действительно утверждали, что души могут перерождаться?
- Я лишь говорил, что все в руках Божьих...
- А собаки?
- Ну, если уж человек...
- А инопланетяне?!
- Ну, теоретически...

Свидетельские показания:

Вызвали деда Митрича, который, кряхтя, заявил:

– Батюшка еще Павку Корчагина цитировал: «Жизнь дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно...» А потом добавил: «Но если что – второй шанс есть!»

Экспертное заключение:

Приглашенный эксперт, доктор биологических наук Хлобыстов (имеющий дачу в Кукуево и личный счет к о. Пантелеймону за то, что тот благословлял его картошку святой водой, отчего та «зараза не берется!»), заявил:

– Научных доказательств реинкарнации нет! В XVII веке материалист Джон Локк, на которого любят ссылаться даже богословы, четко указал: если бы прошлые жизни были, мы бы их помнили. А раз не помним – значит, выдумки!

Результаты разбирательства:

После бурного обсуждения вынесли постановление:

1. Строго предупредить о. Пантелеймона о недопустимости реинкарнации душ в пределах сельского прихода, согласно канонам Вселенских соборов IV и VI веков.
2. Усилить разъяснительную работу в приходах и прочесть цикл проповедей о невозможности реинкарнации в силу уникальности души и научной несостоятельности данной теории.
3. Рекомендовать о. Пантелеймону в ближайший пост воздержаться не только от скоромного, но и от философских размышлений.

О. Пантелеймон, выходя из зала, вздохнул и пробормотал:

– Ну ладно... В следующей жизни буду умнее.

Авдотья Семеновна, узнав о решении, осталась недовольна:

– А инопланетян-то так и не запретили! Значит, прав был батюшка... А его от скоромного и философских размышлений.

Ночь, олигархи и судьба народа

Несколько миль от Ниццы. Черное, бархатное море, усыпанное отражением звезд, качало гигантскую яхту, сверкающую, как золотой гроб. На палубе, среди разбросанных лифчиков, пустых бутылок Chateau Lafite и использованных презервативов, сидели два человека.

Нефтеналивной и Угленасыпной.

Оргия закончилась, девочки уснули, телохранители замерли в тени, как статуи. В воздухе витал запах дорогого табака, кокаина и безнаказанности.

– Ну что, брат, опять страну делить будем? – хрипло усмехнулся Угленасыпной, отхлебывая коньяк.

– А что ее делить? Все уже наше, – буркнул Нефтеналивной, разглядывая перстень с бриллиантом, в котором отражалась луна.

Они говорили о том, о чем обычно не говорили даже на закрытых совещаниях. О разворованных заводах, о подставных аукционах, о нулевых налогах в офшорах, о покупке судей, о разваленной медицине, о школах, где учителя получают гроши, о наркоте, завезенной в регионы, чтобы народ не слишком задумывался.

– А помнишь, как мы Конституцию переписывали? – засмеялся Угленасыпной. – «Недра принадлежат народу!» Ха! Как будто народ умеет их добывать.

– Народ – это тупое быдло, – отхлебнул Нефтеналивной. – Они верят в пенсии, в справедливость, в то, что государство о них позаботится. А мы просто печатаем законы под себя.

– Главное – не допустить, чтобы они начали думать, – кивнул Угленасыпной. – Пусть смотрят телевизор, спорят о футболе, ненавидят соседей. Пока они дерутся из-за мелочей – мы будем забирать все.

Наступило молчание. Море шуршало волнами, будто шептало что-то на забытом языке.

– А ведь если бы у людей была настоящая мораль... – вдруг задумчиво произнес Нефтеналивной.

– Какая еще мораль? – фыркнул Угленасыпной.

– Ну, например, если бы они верили, что за воровство их следующая жизнь будет в виде крысы. Или таракана. Или нищего. Чтобы боялись.

– Ха! Да они и в этой жизни нищие, но все равно верят, что «вот-вот разбогатеют».

– Но представь, – Нефтеналивной прищурился, – если бы в Конституции было написано: «Мораль граждан должна быть основана на вселенском законе кармического воздаяния в настоящей жизни за прошлую и в будущей – за настоящую». Воруешь – перерождаешься в дерьмо. Обманываешь – будешь вечно бомжом.

– А свобода веры? – усмехнулся Угленасыпной.

– Оставим. Пусть верят хоть в Ленина, хоть в рай с гуриями. Главное – чтобы боялись.

Они замолчали. Где-то вдали мерцал огонек рыбацкой лодки.

– А ведь если завтра все рухнет... – неожиданно сказал Угленасыпной.

– Что?

– Ну... если вдруг народ проснется. Или какой-нибудь метеорит нас всех накроет. Или высшие силы, как ты говоришь.

Нефтеналивной засмеялся, но смех его был сухим, как шелест купюр.

– Ты что, в бога теперь веришь?

– Нет. Но... – он посмотрел на темное небо, – интересно, если мы все – просто временные хозяева, то кто тогда настоящий?

В этот момент где-то внизу, в трюме, раздался тихий скрежет.

Они переглянулись.

– Крысы? – спросил Угленасыпной.

– Наверное, – ответил Нефтеналивной, наливая еще коньяку, – успокойся, пока ученые не выведут реинкарнирующую крысу, все останется, как есть.

А море вокруг яхты стало еще чернее.

P.S. Где-то в это время в российской глубинке учительница проверяла тетради при свете керосиновой лампы. Ее зарплаты не хватало даже на лекарства для больной матери. Но она верила, что «все будет хорошо». Ведь по телевизору так и сказали.

Исповедь миллиардера

Тяжелая дубовая дверь исповедальни с резным золотым крестом захлопнулась за Артуром Вейлом. Запах старого дерева, воска и ладана смешался с его дорогим одеколоном. Он опустился на колени, чувствуя непривычную жесткость бархатной подушечки для коленей. Сквозь ажурную решетку виднелся профиль отца Игнатия – полный, спокойный, с двойным подбородком, налитым довольством жизни.

– Начинай, чадо. Господь все слышит, а я – Его слуга, – раздался низкий, чуть сонный голос.

Артур кашлянул, нервно поправил платиновые запонки на рукаве рубашки, стоившей, как годовой доход его бывшего водителя.

– Батюшка... тяжело. Душа... скована. Жил, как мог. Строил империю. «Вейл Аква» – знаете? Чистейшая вода горных ледников... (Он быстро поправился) То есть, кристальная чистота в каждой бутылке! Миллионы утоляют жажду! Но наливали прямо из-под крана... А еще... «Солнечный Сахарок». Детки ведь любят сладенькое, энергия для игр! Помогал людям радоваться жизни. Казино «Золотой Феникс»... это же не просто игорный дом, батюшка, это храм досуга, место, где сбываются мечты! (Голос Артура стал тише, хриплее.) Но... конкурентная борьба... сурова. Иногда... требовались радикальные решения. Чтобы благое дело не пострадало. Люди... исчезали. Не по моей воле, конечно! Но... я знал. И платил. Зато всегда ставил свечку за упокой. Им же спокойнее на том свете, верно?

– Господь милостив. Раскаиваешься ли в содеянном? – равнодушно изрек отец Игнатий.

– Каюсь, батюшка, каюсь! Как же иначе? Но ведь и добрые дела были! Помню, как-то зимой подал нищему сто долларов! Прямо в руку! И качели во дворе старого дома поставил – детишки ведь рады! А любовницы... (вздых) слабость грешной плоти. Но я их не бросал! Купал в «Клико», бриллиантами осыпал, квартиры купил – живут припеваючи. Не паразитки же, в конце концов, а... ценительницы прекрасного. Я их обеспечил!

Артур замолчал, его дыхание участилось. Он наклонился ближе к решетке, голос стал шепотом, полным животного страха.

– Батюшка... главное... я боюсь! Читал про карму... про реинкарнацию. Вдруг... вдруг за все это: за воду из ржавых труб, проданную, как «ключевую», за тонны сахара, сгубившие здоровье тысяч, за разоренные в «Фениксе» жизни, за тех... исчезнувших, за народные деньги, осевшие в моих офшорах... вдруг меня в следующей жизни... в нищего?! В слепого попрошайку на ступенях моего же казино?! Или в того самого конкурента... (Он сглотнул комок) Батюшка, неужели карма неумолима? Неужели ничего нельзя отмолить? Не отпустит?!

Отец Игнатий выдавил легкий, почти раздражительный, вздох.

– Артур, чадо, успокойся. Эти восточные сказки – суеверия! Реинкарнации? Кармы? В христианстве нет такого! Ты же крещеный? Вот и верь в милосердие Божье, а не в языческие бредни! Великодушие Господа безмерно. Главное – нагрешил? Покайся искренне! Принес покаяние – и живи спокойно. Господь прощает кающегося грешника. Все отпускается. Забудь про эту карму. Твои добрые дела – качели, свечки, помощь тем... женщинам – знак твоей не угасшей совести. Бог видит это. Иди с миром и больше не мучай себя пустыми страхами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.